Николаев Владимир Викторович 1.2.83.

01 ФЕВ 1983
МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ
г. Волгоград

Годы и судьбы

ГЛАВНАЯ ВЫСОТА

В СПЕКТАКЛЕ «Ретро» нет ни слова о войне. Но когда я думаю о Николаеве, почему-то первым приходит на память именно этот старик из «Ретро» — небритый, замкнутый чудак, беседующий с голубями на балконе. Своим существованием, простым и мудрым, он протестовал против лжи и накопительства. Он знал про жизнь что-то такое, чего никак не понять было дочке и зятю, способным получить инфаркт из-за разбитой вазы.

Старик пережил войну. Он был из поколения, которое все проверяет только этим.

В спектакле нет ни слова о войне, но главные его герои — люди, чья молодость прошла сквозь огонь и вышла из него чистой и честной. К этому поколению принадлежит и артист Волгоградского театра драмы Владимир Николаев.

Мне кажется, что бы он ни играл за тридцать пять лет на сцене, каждый его герой выходил к зрителю, неся за плечами этот опыт войны — главный опыт жизни.

...Режиссер сказал: «Приготовиться к атаке». Сцена медленно поплыла, будто повернулась к нам лицом, земля, изрытая снарядами, люди в серых шинелях поднялись из окопа и, не прячась, в рост, побежали туда, где пылало на низком грозовом небе зарево сражения. Сорванный крик комбата «За Родину...» слился с музыкой боя.

Владимир Викторович нашарил в кармане сигареты, тихо, чтобы не мешать репетиции, вышел из зала. Сощурившись от света, закурил. Наверное, он был еще там, откуда сквозь толстые стены доносилось «ура», покрывающее канонаду.

В театре шла репетиция спектакля «Главная высота», посвященного 40-летию Победы под Сталинградом.

...Война началась, когда ему было шестнадцать. Всего год, как приехал в Харьков, поступил в театральную студию, где учился земляк Ваня Лапиков, репетировал первые роли. И вот — немец на подступах к городу. Эвакуация. Володя Николаев попросил отправить его домой, в Сталинград.

Юность разом кончилась. Про театр пришлось забыть. Началась новая учеба — в ФЗУ при метизном заводе. Затемно вставали, до темноты стояли у станка. Ночью их сменяли другие. Старшие ушли на фронт, и мужчинами в тылу остались они, семнадцатилетние.

Летом фашист начал бомбить город. Август сорок второго — это высокое голубое небо, прочерченное черными птицами «юнкерсов». Воющий звук зависшего в воздухе снаряда... Война перешагнула порог твоего дома и разрушила его.

Среди тех, кто погиб под развалинами, была семья Николаевых. Ему выпало жить.

ФЗУ приказали эвакуировать, в рабочих руках нуждались оборонные заводы. Ночью баржа отвалила от берега. Шли вверх по реке, на север. Володя, приткнувшись среди узлов, думал: «Увезут на Урал, а фронт вот он — в двух шагах. Нельзя мне отсюда...»

И словно послушалась судьба. От мины ли, от нефти ли, пылающей рекой льющейся с берега, загорелась баржа. Началась суматоха. С полузатопленной посудины — в воду, саженками к берегу — единственный путь. Как доплыл, не помнит. Шатаясь, вышел на песок. Всю ночь пробирался под бомбежкой к тракторному — там, говорили ребята, организуется народное ополчение.

...Через сорок лет Владимир Викторович сыграет на сцене Волгоградского театра драмы в «Главной высоте» ополченца Матвеича, старого рабочего, защищавшего город и завод. Сыграет с такой силой правды, какую не возьмешь из книг и чужих рассказов.

Выдумывать биографию своего героя, как учат в театральных институтах, ему не нужно будет. Он знал ее. Он рыл с ним окопы, принимал из его рук автомат. И пусть того звали иначе, но это с ним он полз в одной связке по всхлипывающему тонкому льду на левый берег Волги за хлебом. В связке было несколько человек. Если один проваливался, вытаскивали его, лежа на льду.

Хлеба ждал их маленький отряд, чудом отбивший немецкие танки, хлеба ждали соседи-краснофлотцы, защищавшие район Рынка. — батальон, составленный из добровольцев Черноморского, Балтийского, Северного и Тихоокеанского флотов.

Моряки, переодетые в солдатские шинели (черные бушлаты были бы мишенью для немцев), под серым сукном носили тельняшку — «матросскую душу», а в вещмешках хранили, как святыню, бескозырки с именами своих кораблей. Их разрешалось надевать только в атаку.

Перед атакой и подарил ему запасной тельник какой-то молодой матрос — уж больно восторженно смотрел семнадцатилетний парнишка на краснофлотцев, казалось, заговоренных от пули.

— Бери, салага, тебе жить — моряком будешь!

Командир крикнул: «В атаку!», и Володя встал из окопа в этой тельняшке.

Когда разрывается мина, осколки летят в одном направлении. Видно, вправду «заговорил» его морячок — задело по касательной, получил только 12 осколков. Раздробило кисти рук, ударило взрывной волной. Как тащили из окопа, переправляли на левый берег с другими ранеными — не помнит. Полностью сознание вернулось, когда подъезжали к Куйбышеву. Здесь на станции Кинель был оборудован госпиталь.

Сознание вернулось, а вместе с ним — память: осенняя земля, изрытая окопами и воронками, люди в шинелях и ватниках, подпоясанных ремнем...

Память вернулась, чтобы остаться с ним навсегда. Недавно Владимир Викторович закончил свою третью пьесу, которую назвал «Белые журавли». В ней живут, сражаются, любят те, кто, придя сюда с берегов Черного моря и Балтики, до конца короткой ли, длинной ли жизни — кому как выпало — называл себя сталинградцем.

На титульном листе пьесы слова: «Моей юности — комсомольцам сороковых годов — посвящаю. Автор».

А моряком он все-таки стал. После госпиталя, наступления на Орловско-Курской дуге, вторичного ранения и госпиталя, после войны, служил на Черноморском флоте. Ушел с корабля, отслужив сверхсрочную, в чине главстаршины.

Значит, прав оказался тот морячок, что подарил тельняшку. Он ушел в атаку, туда, где в грозном сталинградском небе пылало зарево сражения. Но память возвращает его нам.

...«Далеко в глубине сцены показался силуэт человека в краснофлотской форме. Это Диков. Он стремительно идет на зрительный зал.

Диков: «Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей...»

Это о товарищах моих!.. Они шли сюда, в Сталинград, не по приказу, а по зову сердца. Шли с нашего Черного, с Балтики шли, с Северного, с Тихого и Великого... Они шли, где самое-самое... дьявольски трудно! «Черные дьяволы» называли их враги... Но нет, нет и нет! Способны ли «дьяволы» отдавать свои жизни ради наших жизней?.. Нет! С простреленным сердцем и комсомольским билетом они шли на врага и побеждали! Побеждали потому, что дьявольски хотели жить! Дьявольски хотели любить...

...Если не меня, не тебя, а нашего товарища взяла война, то это значит, что он взял нашу смерть себе, на себя, чтобы мы могли продолжать свою жизнь...»

Н. СЛОМОВА.
Фото И. СВЕТЛОВА.